

3. *Агни Л.* Российский гламур. URL: <http://www.proza.ru/2009/03/16/623>

4. *Руднева Д. А.* Гламур и его презентации в культуре постиндустриального общества на рубеже XX–XXI в. Пермь, 2010. С. 77.

5. Главные типы в русском гламуре // *Огонек*. URL: <http://www.ogoniok.com/4988/6/>

6. *Карасик В. И., Дмитриева О. А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия // *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. Волгоград, 2005. С. 5–25.*

7. Там же.

8. *Зверева В.* Позывные гламура. Гламур: Культурная экспансия или новая идеология? // *Искусство кино*. URL: <http://kinoart.ru/archive/2006/11/n11-article3>

9. *Прибыловский В.* Олигархи времен Путина // *Смысл*. URL: http://www.compromat.net/page_13088.htm.

10. Главные типы в русском гламуре ...; Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

11. Признаки гламура. URL: <http://maralkina.mylivepage.ru/>

I. V. ASHINOVA. LINGVOCULTURAL CHARACTERS OF GLAMOROUS DISCOURSE

Analyzing such communicative phenomenon as a glamorous discourse from the lingvokulturology point of view, author gives classification of characters of a glamorous discourse reveals their distinctive features, peculiarities of behavior and thinking.

Key words: *glamorous discourse, the glamorous person, the lingvokulturny character, glam-capitalism.*

Н. К. ГАСАНОВА

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ЕГО НАРРАТИВЫ

В статье изложены результаты продолжающегося исследования сопряженности культурных особенностей человеческого общества с развитием прогресса и цивилизации.

Ключевые слова: *культурализация, мультикультурализм, политика в сфере культуры.*

Новейшее время вносит инновации в мировоззренческие проекты. Идеологемы эволюционируют «от уваровской триады, через марксизм-ленинизм – к современной национальной идее». Идут дискуссии в обществе, рефлектируется смысл и особенности государственной идеологии в многокультурных (или, как принято сейчас говорить, в мультикультурных) обществах. Общепризнано, что в современном российском обществе постепенно утверждается понимание национальной идеи как направленности на созидание гражданской нации. Это должно было случиться. Как считают специалисты, «в России сложилась и веками существовала особая социальная организация, одной из наиболее характерных черт которой было то, что государство здесь являлось не надстройкой над гражданским обществом (как в западных странах), а становым хребтом, а порой – и творцом институтов гражданского общества. В России государство, общество, личность никогда не были разделенными (как на Западе), они были взаимопроницаемы, целостны, соборны» [1].

Вместе с тем, мы бы отметили активное использование исследовательских культурологических терминов в духе постмодернизма – в интеркультурных вариантах, которые, с позиции отечественной лингвокультуры, не всегда направлены на решение поставленных задач. Это мы относим, в частности, к термину «культурализация» (автор термина К. Клакхон). Данный термин и его сочетания – «культурализация социального», «культурализация социальных отношений»,

«культурализация политического», «культурализация экономического содержания» и другие изначально характеризовались как нерелевантные для исследования проблем в указанных областях, так как переводили в плоскость культуры все то, что не имело отношения к культуре непосредственно. Социальные, экономические, политические проблемы и противоречия толковались, согласно этой методологии, в этнологических терминах, в терминах культуры. Во множестве дискурсов, обсуждающих проблему миграции (в экспертном, в официальном и в медийном), пока еще доминируют именно такие категории: «война культур», «несовместимость идентичностей». Но в двусоставном слове с префиксом *мульти* отрицательная коннотация «культурализации» нивелируется, и появляется постмодернистский неологизм, априори считающийся предикатом политико-демографического дискурса.

Контекст культурологической рефлексии над происходящей в планетарном масштабе миграцией, которую уже называют «вторым расселением», отражает уровень научных представлений современности о «познавательном поле», которых выделяют не менее пяти: античное, средневековое, возрожденческое, просветительское и современное [2]. К означенным «полям», мы предлагаем добавить шестое – «сетевое» (или «паутиновое», или «инофо-поле», или «пост-современное»), а «современное» переименовать в «современное – по М. Фуко». Тем самым будет культурологически артикулирована новая эпистема, обозначаемая

философами как «переход современной науки к постнеклассической стадии развития», «становление нового постнеклассического мировоззрения для России третьего тысячелетия», которое формирует плюрализм как мировоззренческий принцип, обосновывающий необходимость толерантности, терпимости во всех сферах человеческой культуры и бытия [3].

В вопросе исследования мультикультурализма наступила ситуация переполненности дискурса различными нюансами. Появляется множество вариаций, в том числе использование этого понятия для обозначения различных психотехнических манипуляций, для легитимации действий, часто имеющих цели далекие от заявленных; для обозначения конструкций, основанных на интуиции или являющихся калькой с западных моделей культурной политики. Осмысление происходящих цивилизационных трансформаций, а также обсуждение признаваемой уже большинством в качестве искомой национальной идеи – задачи созидания гражданской нации, также оказывается под воздействием мощного мультикультуралистского тренда.

Философы полагают, что на состоянии теоретических исследований современного типа культуры отражаются ее фрагментарность и маргинальность. «Научное знание эволюционирует в направлении перехода от универсальной, монологичной, целостной реконструкции культурного универсума к вариативной, плюралистичной, мультиплицированной парадигме» [4]. В отечественной литературе увеличивается пласт публикаций, посвященных рассмотрению «мультикультурализма» как одной из новых культурологических концепций или политических стратегий. В них выражаются различные точки зрения:

– недовольствие тем, что «идеи мультикультурализма, похоже, постепенно усваиваются российским интеллектуальным сообществом»;

– «культурный плюрализм российского общества не находит выражения в политическом языке»;

– «мультикультурализм скоро не понадобится, так как это завершающий цикл индустриальной модернизации. Новая постиндустриальная экономика высоких технологий и социально-политическая модернизация создадут условия для отмирания традиционных культур».

С точки зрения других экспертов, мультикультурализм, как стратегия и как культурологический принцип, в западном опыте не был использован в принципе. «С середины 1950-х, когда началось массовое рекрутирование иностранных работников, до рубежа 1970-1980-х все верили, что имеют дело с “гостевыми рабочими” (“гастарбайтерами”) и затратные способы адаптации гостей не предусматривались. Бюджетные средства выделялись на изучение детьми мигрантов “родного языка” (а иначе как они вернутся к себе

на Балканы или в Турцию?). Лидеры принимающих стран исходили из своего понимания национальных интересов – не дать иммигрантам инкорпорироваться, проникнуть в национальное “тело”. В немецком случае это была просто мягкая сегрегация» [5]. Эта точка зрения совпадает с мнением Ф. Фукуямы: «в Голландии и до некоторой степени в Британии под словом “мультикультурализм” скрывалось нежелание ассимилировать представителей меньшинств в жизнь большинства: пусть у вас будет своя религия, свои школы, свое сообщество, и мы оставим вас в покое, если вы оставите в покое нас». Несоответствие мультикультуралистических манифестаций и реальной политики привели к разобщенности между гражданами, вспышкам конфронтации. Ф. Фукуяма предлагает выход: «заняться проблемой культурной ассимиляции. Меньшинства, проживающие в стране, должны согласиться с некоторыми базовыми ценностями, чтобы стать частью нации» [6].

В другом варианте для обозначения мер по политической стабилизации, когда мультикультурализм декларируется, а реально проводится социальная изоляция меньшинств от большинства «в целях сохранения этнической идентичности тех и других», используются понятия «мультикультурализм консервативный» или «культурный фундаментализм». По сути, так обозначаются «новые издания национализма и даже расизма», хотя именуется это «невмешательством государства и “большого” общества в жизнь этнических общин с одновременным предоставлением им привилегий и дополнительных ресурсов во имя охраны их “идентичности” и в качестве компенсаций за прошлое неравенство» [7].

Эксперты, оценив заявления о «крахе политики мультикультурализма» в Европе, предлагают, сохранив стратегию мультикультурализма, изменить тактику: выработать и одобрить другую политику воплощения стратегии мультикультурализма. Составить другой план и назначить других ответственных. Высказываются утверждения, что хронологически мультикультурализм – одно из новейших направлений теоретико-культурных исследований, представляющее рефлексию после постмодерна.

Как известно, интеллект имеет ассоциативную природу, но сходство и тождество – разные вещи. Квази-аналогичность смысловой цепочки терминов социализм / коммунизм / мультикультурализм иногда вводит в заблуждение отечественных экспертов. Прежде всего потому, что в советское время доминировало отношение к философской терминологии как к идеологическому подкреплению власти. Этот образ философии сохранился в обыденном сознании и в наши дни. Но «мультикультурализм» пока лишь декларация, претендующая на статус доктрины, сумевшая только в некоторых странах стать инструментом – совокупностью политических акций и мероприятий

по налаживанию взаимодействия с новым кластером населения – мигрантами. Это выразилось в обозначении факта присутствия этнических меньшинств в качестве объектов поддержки, организация их спонсирования и др.

В последние годы вопрос нациеустройства (или внутренней политики) особенно проблематизировался в обществах, для которых собственная мультикультурность стала откровением (или, как сейчас принято говорить, «культурная плюральность рельефно обозначилась»).

Введение терминов «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» (в немецкоязычном пространстве) считается заслугой Хайнера Гайслера, руководившего в свое время партией ХДС. Сторонниками мультикультурализма здесь выступили представители промышленного капитала.

Правительство Австралии взяло на вооружение лозунг мультикультурализма, стремясь положить конец дискриминации «цветных» и безрезультатной политике ассимиляции иммигрантов. В Канаде правительство рассчитывало с помощью выбора мультикультурализма в качестве нового правительственного курса решить вопросы налаживания конструктивного диалога своих граждан разных культурных и языковых групп. На самом деле, неофициально это считалось способом увести политические дебаты от противостояния англофонов и франкофонов и тем самым избежать дальнейшей поляризации канадского общества. Швеция пошла по пути объединения под лозунгом мультикультурализма политики в отношении иммигрантов и традиционных меньшинств страны. В Америке первоначально мультикультурализм понимался как средство борьбы с расовой дискриминацией чернокожего населения. Последующее широкое распространение мультикультуралистской риторики связывают с такой особенностью американского публичного дискурса, как невнимание к социально-классовой стратификации, с тенденцией сводить общественные противоречия к противоречиям «ментальностей», отсюда преувеличенное значение, придаваемое консенсусу.

В ранних научных исследованиях, а также в практике культурной политики и обыденном понимании мультикультурализма, на наш взгляд, воспроизводится одна системная методологическая ошибка, порождающая неэффективные практики. Это – убеждение в «недавности» происхождения феномена мультикультуральности / плюральности культур (даже указывается место и время его появления: в конце 1960-х годов в Канаде), и уверенность в легкости манипулирования с ним. На самом деле мультикультурными общества стали в самом начале расселения людей по планете [8].

Политику ассимиляции иногда называют «культурным империализмом», иногда – «новым расизмом». При этом осуждается и политика государственной поддержки общинам, которые «необоснованно берут на себя миссию

представительства интересов всего этноса или религии, и это стимулирует развитие коммунитарной идентичности». Но полный запрет вмешательства государства в дела общин, к чему призывают либертарианцы-анархисты, считается, привел бы к тому же следствию: человек оказывается в рабстве у общины, не имея возможности защиты от нее со стороны государства. В ряду обвинений имеется и такое: тенденции политкорректности и мультикультурализма уравнивают нормы цивилизации и дикость как равноправные проявления национальной специфики.

Однако здесь причина, на наш взгляд, в практике: мультикультурализм декларируется и не реализуется. Сегрегация, например, происходит по-прежнему, только гетто возникают как бы на «добровольной основе». Люди, утратившие свою этническую или религиозную идентичность в странах Европы и в США, вынуждены («добровольно») возвращаться в замкнутые монокультурные поселения и кварталы только потому, что правительство спонсирует не культуру, в которой бы индивиды нашли себя, а общины (их школы, клубы, театры, спортивные организации и др.). В общинах возникают параллельные управленческие институты, которые блокируют деятельность законных органов власти. Это позволяет администрации заявлять, что в таких условиях неосуществима защита прав человека, и не пытаться делать этого. Считается, что в европейских городах возрождаются такие черты традиционной культуры, которые уже забыты на родине иммигрантов. Но такого «возрождения» (с традицией отрезания частей тела за неповиновение) вряд ли кто-то жаждет. В Европе сотворили «чупакабру» из мультикультурализма и пугают ею весь мир. А между тем, все гораздо сложнее.

Культурализируется политическая и экономическая задача интеграции общества (без ассимиляции, сегрегации). Декларированная «стратегия мультикультурализма» в принципе не воплощается в жизнь – по причине трудоемкости и затратности ее воплощения, – потребуются обращение к государственному бюджету. Речь идет о необходимости разработки специальных научно обоснованных программ интеграции; финансировании множества сопутствующих проектов; образовательном сопровождении ресоциализации с применением новейших технологий (учет возможностей социальной инженерии); затратах времени и чувств социальных, медицинских работников и психологов. Особенно психологов, так как речь пойдет о необходимости консультаций по социальной психотерапии в целях изменения стереотипов поведения, так как мир функционирует, в основном, как определенная система стереотипов. Динамика жизни подразумевает разрушение одних, естественно сформированных стереотипов, и постепенное образование новых, видоизмененных, так как индивиду приходится вписываться

в действующие рамки поведения, или фрустрировать под давлением новой культуры. Стереотипы нелегко поддаются изменениям. И уничтожить их все нельзя в силу особенностей аналогового мышления, которое само по себе подразумевает формирование тех или иных шаблонов. Поэтому стереотипы, помогающие видеть, слышать, ощущать и, как следствие, осознавать и понимать, ломать нельзя. В этом и следует разобраться, какие из стереотипов помогают, а какие уже мешают. Критерием должен быть анализ стереотипа на предмет «способствует он формированию толерантности или же наоборот тормозит». Если мешает, то вторым этапом должно стать принятие решения: «каким именно способом можно преодолеть, т. е. разрушить данный стереотип». Выбирается в качестве практики, как можно видеть, вариант наиболее простой, – декларировав только им самим понятный «мультикультурализм», проводить привычную культурную политику: способствовать ассимиляции, закрывать глаза на сегрегацию, не соотносить цифры параллельного прироста населения и величину бюджетных расходов. Затем, назвав все это «мультикультурализмом», поступить так, как поступили американцы с идеологией «плавильного котла», – не утруждая себя модернизацией, выбросить на свалку истории. Но цивилизованный мир никогда больше не будет монокультурным, и общества вынуждены искать и воплощать новые принципы интеграции.

В настоящее время появились предложения «модернизировать» термин мультикультурализм, рассчитанные на то, что это повлияет на изменение вектора социокультурного развития. «Есть плохой мультикультурализм, приводящий к расколу, и есть некий хороший <...> Лучше обозначить этот хороший мультикультурализм новым термином, предлагаю использовать для этого термин интеркультурализм» (Э. А. Паин) [9]. Этот «новый» очень похож на известный нам «интернационализм», и требуются дополнительные усилия для получения его культурологической интерпретации, т. е. это термин не прямого использования. В российском научном дискурсе этот термин пока исследуется (небеспристрастно). У нашего государства своя длительная история налаживания межкультурного взаимодействия (раньше это именовалось «национальной политикой»).

В российской национальной политике доминировали отрицательные оценки политического курса российского самодержавия, который определялся термином «русификация» (годы первой русской революции). В 20-е годы, несмотря на иную методологическую и идеологическую основу, историками развивались концептуальные положения либеральной дореволюционной историографии о насильственном включении окраин в состав Российской империи и их колониальной эксплуатации. В зависимости от политической конъюнктуры, в целом, концепция российской

национальной политики эволюционировала (1920–1980) от декларации «абсолютного зла», до тезиса о «наименьшем зле» и полностью добровольном присоединении национальных окраин к Российской империи. В Новейшей истории России одиннадцать республик бывшего СССР (включая Российскую Федерацию) одновременно провозгласили декларации о своем суверенитете (1990) во имя высших целей – обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу – на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах. В установлении взаимоотношений народов постсоветской России были попытки использования понятия «ассоциированности» (компаньоны, партнеры), которое обозначает связь скорее психологическую, чем правовую. Региональные законы о языках и решения местных органов управления, касающиеся преподавания некоторых предметов в школах, размывали и эту связь. Государству стоило немалых усилий политическими средствами обеспечить целостность российской нации.

Интеграция российского народа традиционно опиралась на идеологию, которая всегда принадлежала к миру духовных ценностей русского народа, в настоящее время у российского государства официальной идеологической доктрины нет, по ряду причин. Во-первых, это официальная позиция государства, выраженная в «Основах конституционного строя Российской Федерации» (Конституция РФ, раздел I, глава I, ст. 13, п. 1), где указано, что в Российской Федерации «признается идеологическое многообразие» и что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Конституция РФ, раздел первый, глава I, ст. 13, п. 2), так как «Российская Федерация – светское государство» (Конституция РФ, раздел первый, глава I, ст. 14, п. 1). Неукоснительное соблюдение конституции – закономерный гражданский акт. Между тем, все большее количество исследований в гуманитарных науках завершается выводами о необходимости принятия идеологической доктрины. И это не случайно. Возникает опасный прецедент – законодательное пространство для создания локальных идеологических доктрин субъектами федерации; допустимость их воплощения в разнообразных социокультурных практиках и на этой основе – опасность последующей фрагментации социума. В результате у нации может исчезнуть ощущение публичного пространства как общего. Во-вторых, это обнаруживаемое в части научной общественности активное отрицание необходимости принятия государственной идеологической доктрины, «так как жизнь не вмещается в какие-либо схемы». В-третьих, сложившееся у части граждан представление о достаточности имеющихся официальных документов, в том числе общего характера, для регуляции жизни социума. В данной

статье нами представлены все имеющиеся на сегодня в нашем государстве документы, рассмотрение которых позволит читателям составить свое экспертное мнение.

В Российской Федерации приняты следующие официальные документы. Национальная доктрина образования; продовольственной безопасности; информационной безопасности; социальная; здравоохранения; экологическая; Концепция долгосрочного социально-экономического развития; климатическая доктрина; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; Концепция внешней политики Российской Федерации; Морская доктрина Российской Федерации; Военная доктрина Российской Федерации; Концепция государственной миграционной политики РФ. Есть своя доктрина у Русской православной церкви: «Основы социальной концепции Русской православной церкви».

Приняты следующие кодексы.

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) – кодекс федеральных законов Российской Федерации, регулирующих гражданско-правовые отношения; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) – кодифицированный нормативный правовой акт (Федеральный закон), устанавливающий правила рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции в Российской Федерации. Является основным источником гражданских процессуальных норм, однако акты конституционного и международного характера доминируют над ГПК РФ.

А также: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации; Бюджетный кодекс Российской Федерации; Водный кодекс Российской Федерации; Воздушный кодекс Российской Федерации; Градостроительный кодекс Российской Федерации; Гражданский кодекс РСФСР 1922 года; Жилищный кодекс Российской Федерации; Земельный кодекс Российской Федерации; Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации; Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации; Лесной кодекс Российской Федерации; Налоговый кодекс Российской Федерации; Семейный кодекс Российской Федерации; Таможенный кодекс Российской Федерации; Трудовой кодекс Российской Федерации; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации.

Общественность России выступила с проектом отдельной доктрины Ядерной безопасности

Российской Федерации. Предложен проект Авиационной доктрины России. Обсуждается Национальная лекарственная доктрина. В отсутствие Финансовой доктрины Российской Федерации, финансовая безопасность государства обеспечивается на основе официально принятых в стране нормативных актов, основными из которых являются: Конституция Российской Федерации, Закон Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1, Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, Концепция национальной безопасности Российской Федерации (2000).

Из всех этих общих и частных доктрин гражданине эксплицирую ответ на вопросы «кто мы?» и «куда мы идем?» Очевидно, что это масштабная государственная задача. Также очевидно, что сегодня российская власть не устраняется от их решения – в декабре 2012 года Указом Президента РФ утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Тем самым государство совместно с общественностью за постперестроечные десятилетия, можно сказать, создала своеобразный фреймворк (свою Kohany), только осталось распознать, достаточно ли его для составления целостного образа – как некоторой парадигмы.

Литература и примечания

1. Данилов А. А. История России. XX в.: Справочные материалы. М. 1996.
2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
3. Степин В. С. Теоретическое знание. Москва, 1999. С. 392–408.
4. Коробейникова Л. А. Современная культура: смена парадигм: моногр. Томск, 1992.
5. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М., 2002. С. 48.
6. Фукуяма Ф. Пределы институциональных преобразований // Общественные институты и развитие: на стыке глобальных перемен. СПб., 2006.
7. Stolcke V. Talking culture: new boundaries, new rhetorics of exclusion in Europe // Current Anthropology. 1995. Vol. 36. № 1. P. 1–24.
8. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ ... С. 48.
9. Гасанова Н. К. Лингвокультурологический анализ мультикультурализма // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 11 (53). С. 16–23.

N. K. HASANOVA. MULTICULTURALISM AND ITS NARRATIVES

The article presents the results of an ongoing study of contingency cultural characteristics of human society with the development and progress of civilization.

Key words: *culturalization, multiculturalism, cultural policy*